

230233

Львов-Анохин Б.

Театральные истории

Вес 1993г. - 1993. - 23 апреля

«ОРЛЕНОК», «ОРЛЕНОК» — ДАЮТ МЕДАЛЬОНЫ

Я помню, как замечательная французская актриса Жанна Моро играла на сцене МХАТа моноспектакль «Рассказ служанки Цепины». Ее следовало бы заснять на пленку и показывать во всех театральных школах как образец актерского мастерства. Но части публики монолог показался скучным, и большие группы людей стали покидать зал. Кто-то при этом хлопал дверью. Актриса сидела на первом плане сцены лицом к залу и, конечно, видела, как уходила часть зрителей. Но с абсолютной невозмутимостью она продолжала играть, словно ничего не замечая. Поразительный пример несокрушимого артистического достоинства, профессиональной чести, человеческой гордости. Да, публика может быть очень жестокой, несправедливой, странно нечуткой, равнодушной к произведениям подлинного искусства.

К счастью, бывает и другое: аплодисменты и крики «Браво!» в конце представления и, главное, благоговейная тишина во время спектакля. Такая тишина — свидетельство понимания, сочувствия, уважения. Свидетельство тонкости и культуры тех, кто пришел в зрительный зал.

Случаются и удивительные, трогательные проявления зрительских симпатий, внимания и любви. Когда мы репетировали в Малом театре пьесу «Мамуре», героиней которой была стошестилетняя мадам Муре, в театр пришло письмо. В нем нам

предлагали познакомиться со столетней французенкой.

Ее дочь, очаровательная, любезная и веселая Екатерина Порфирьевна Борисова, радушно приняла нас с Еленой Николаевной Гоголевой в своем доме и представила матери, которой исполнился 101 год. Мадам Мари весело болтала, прочла монолог Расина, пела французские песенки. Этот визит во многом помог Гоголевой в ее работе над ролью Мамуре.

Надо сказать, что мадам Мари познакомилась со своим мужем, русским офицером Борисовым, во Франции в начале века, приехала в Россию и прожила в ней большую часть жизни.

И вот когда я поставил в Новом театре забытую пьесу Ростана «Орленок» о судьбе юного сына Наполеона, Елизавета Порфирьевна пришла на премьеру (мадам Мари уже не было на свете) и сделала мне прелестный подарок — большую золоченую пуговицу, похожую на медальон, с вычеканенным на ней точеным профилем Сары Бернар в роли Орленка. Ее вздернутую вверх головку подпирает высокий воротник мундира, задорно завитой,

по-мальчишески вихрастый парик напоминает о забытом амплуа трагиста, которым виртуозно владела прославленная актриса. К этому благодарная зрительница присовокупила старинный брелок с изображением наполеоновского гвардейца.

Вот какие дары принес мне спектакль «Орленок». И это еще не все.

Однажды раздался телефонный звонок, незнакомая пожилая женщина сказала мне, что она — дочь известного киевского архитектора Зекцера, что у нее бережно хранится подаренное ей в детстве отцом старинное французское издание пьесы Ростана «Орленок», что эта книга пережила годы революции, войны, немецкой оккупации и что теперь, после спектакля «Орленок», она хотела бы подарить ее мне.

И вот я держу в руках большой фолиант в красном тисненном золотом переплете, изданный в Париже в 1910 году, рассматриваю удивительные иллюстрации, заставки, виньетки — наполеоновский вензель, орлы, лавры, гении Славы с трубами в руках... Живописный портрет Сары Бернар в роли Орленка, чья тоненькая, грациозная, чуть вычурно, декадентски изломан-

ная фигура определяет все многочисленные изображения несчастного Герцога Рейхштадтского в этой книге.

Программа первого представления «Орленка» во Франции (1830 г.): Франц, Герцог Рейхштадтский — мадам Сара Бернар; Серафим Фламбу — мсье Гитри и т. д. Редкая, антикварная книга! На титульном листе надпись:

«Б. А. Львову-Анохину в знак уважения и восхищения Вашей деятельностью на поприще театрального искусства. Ваша благодарная слушательница и зрительница Александра Иосифовна Зекцер. 12 октября 1992 г.»

Как же нужно любить театр, чтобы расстаться с такой драгоценной реликвией! Подобные проявления любви к театральному искусству (к этому надо прибавить и многие прекрасные письма) помогают сносить внутренние неурядицы, несправедливую категоричность отдельных суждений.

Спасибо Тебе, почтеннейшая публика.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.